

ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА КАРЛА ПОЛАНЬИ

Радаев Вадим Валерьевич

Государственный университет – Высшая школа экономики

В 2004 г. исполнилось сорок лет со дня смерти выдающегося антрополога К. Поланьи (1886–1964) и шестьдесят лет с момента выхода в свет его самой известной книги – «Великая трансформация», – которая с большим опозданием, наконец, была переведена на русский язык¹. Сегодня труды К. Поланьи получают все большее признание, в том числе в связи с его радикальной критикой формальной экономической теории и экономического либерализма². Причем высказанные им взгляды популярны не только среди приверженцев более «мягкой» европейской традиции, но и в США, где Поланьи работал некоторое время³. Не случайно за год до выхода русского перевода в США появилось новое издание «Великой трансформации» с большим предисловием экономсоциолога Ф. Блока и весьма пиететным введением экономиста Дж. Стиглица⁴. В России с творчеством Поланьи сколь-либо обстоятельно пока знакомы немногие (и даже ударение в его фамилии пока ставится по-разному). Но число исследователей, интересующихся этим творчеством, растет. Об этом свидетельствует, в частности, успех научного симпозиума «60-летие “Великой трансформации” Карла Поланьи» (Москва, Государственный университет – Высшая школа экономики, 21 октября 2004 г.) и предшествовавшей Интернет-конференции по наследию К. Поланьи, организованной под руководством Р.М. Нуреева в рамках Федерального образовательного портала по экономике, социологии и менеджменту (<http://www.ecsocman.edu.ru>).

В чем же причина этого «ренессанса» трудов Карла Поланьи, что особенного он нам предлагает? По-видимому, речь идет о традиционных поисках «третьего пути». Дело в том, что на протяжении большей части XX столетия в социальных науках шла упорная борьба между двумя крупными идеологическими течениями – марксизмом и либерализмом. Именно этим противостоянием во многом определялась ситуация в экономических и социальных науках. Фактически это была борьба между парадигмами планового хозяйства и свободного саморегулирующегося рынка. Напомним, что его «Великая трансформация» появилась в 1944 г. – одновременно с либеральным манифестом Ф. Хайека «Дорога к рабству»⁵. И книгу Поланьи можно считать антитезой – своего рода антирыночным манифестом. Однако его жесткая критика концепции саморегулирующегося рынка производится отнюдь не с позиций

¹ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

² Пример критического описания российских рыночных реформ через призму трудов К. Поланьи см.: Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // Рубеж: альманах социальных исследований. 2000. № 15. С. 1–33 [<http://ecsocman.edu.ru/rubezh>].

³ Краткие биографические описания жизни К. Поланьи см.: Веселов Ю.В. Классики экономической социологии: Карл Поланьи // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 111–115; Розинская Н.А. Слово о Карле Поланьи // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ–ВШЭ, 2004. С. 6–9.

⁴ Polanyi K. The Great Transformation / Foreword by J. Stiglitz; Introduction by F. Block. Boston: Beacon Press, 2001 (1944) P. vii–xxxviii.

⁵ Hayek F.A. The Road to Serfdom. L.: Routledge, 1944.

централизованного планового хозяйства. Речь идет не о стихийном столкновении индивидуальных интересов, но и не о централизованном регулировании, а о сложном историческом процессе институционального оформления и встраивания экономических отношений в социальные отношения.

Содержательные отношения Поланьи с современной экономической теорией выглядят достаточно поверхностными. Есть основания считать, что он интересовался классической политической экономией – от Ш. Монтескье до Ф. Листа и К. Маркса⁶. Будучи выходцем из Австро-Венгрии, он обнаруживает знакомство и с австрийской школой в лице К. Менгера и др., вступает в дебаты с представителем новой австрийской школы Л. фон Мизесом. Тем не менее среди экономистов труды К. Поланьи не получили и вряд ли когда-либо получают широкое распространение. Для них подобный подход остается еще одним малопонятным проявлением «старого институционализма», ведущего в никуда с точки зрения метода и чуждого, вдобавок, по самой своей идеологии.

Куда более важной кажется роль наследия Поланьи для более «мягких» дисциплин – экономической истории, экономической социологии и, конечно, экономической антропологии, где Поланьи является общепризнанным классиком. Будучи представителем субстантивистского направления, Поланьи демонстрирует идейную близость с французской экономической антропологией, в ядре которой находилась социологическая по существу теория обмена Марселя Мосса – одного из учеников Э. Дюркгейма⁷.

Что же касается экономической социологии, то здесь к исходу XX в. Поланьи превратился в одну из самых цитируемых классических фигур. При этом его подход можно считать своего рода мягкой альтернативой позиции М. Вебера, который к этому времени приобретает неоспоримое первенство среди социологических «небожителей», укрепленное серьезным ослаблением марксизма и структурного функционализма. Для Поланьи Вебер, столь стремящийся к логической стройности категориальных построений, страдает излишним формализмом, что несколько сближает его с экономистами и делает уязвимым для критики с исторической точки зрения⁸.

В данной работе мы рассмотрим некоторые методологические основы идей К. Поланьи и обратим внимание на те аналитические возможности, которые они открывают для разных исследовательских областей. Мы начнем с субстантивного определения «экономического» и посмотрим, как оно может использоваться на примере понятия «домашний труд». В свою очередь, это выведет нас на более широкую тему – проблем экономического выживания и моральной экономики. Далее мы посвятим один из разделов одному из наиболее интересных сюжетов в творчестве Поланьи – реципрокной форме интеграции хозяйства. А завершим статью, перейдя на макроуровень рассуждений о капитализме и саморегулирующихся рынках, – к основной теме книги «Великая трансформация».

Проблема экономического

Как правило, при рассуждениях о наследии Поланьи внимание концентрируется на вопросах становления капитализма и развития саморегулирующихся рынков. Но чтобы понять смысл рассуждений К. Поланьи о хозяйственном развитии, необходимо начать с более общих вопросов и разобраться с тем, какое содержание он вкладывает в понятие экономики и

⁶ Polanyi K. The Place of Economies in Societies. Appendix // Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies. N.Y.: Anchor Books, 1968. P. 122–134.

⁷ Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 83–222.

⁸ Polanyi K. The Place of Economies in Societies. Appendix. P. 135–138.

экономического действия. Тем более, что его подход резко контрастирует с пониманием, характерным не только для большинства экономистов, но и для многих социологов. В подтверждение приведем два классических определения экономического действия и экономической науки, которые сегодня принимаются многими на аксиоматическом уровне. Первое из них принадлежит М. Веберу: «Экономическое действие [Wirtschaften] есть установление актором мирными средствами контроля над ресурсами, который по своему главному мотиву ориентирован на экономические цели»⁹. Второе определение сформулировано Л. Роббинсом: «Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»¹⁰. Хотя первое определение сформулировано социологом, а второе – экономистом, мы видим, что их формулировки оказываются достаточно близкими друг другу.

Итак, в конвенциональном определении экономическое действие выступает как логический выбор между различными способами использования средств, порождаемого их ограниченностью. Для К. Поланьи подобное определение выглядит сугубо формальным. Более того, он не считает ограниченность средств и наличие выбора неизменными условиями экономических отношений. По его мнению, основная проблема как раз и заключается в том, что формальную логическую связь между целями и средствами заложили в основу современной экономической теории, а затем опрокинули на историю хозяйства в виде универсальной модели. Между тем актуальность выбора и дефицит ресурсов во многом являются порождением современного общества и никак не являются историческими универсалиями. Во-первых, выбор существует не всегда, а во-вторых, дефицит средств не является повсеместным. Например, по свидетельствам антропологов, первобытные общества были скорее обществами изобилия (характеризуемыми низким уровнем жизни и отсутствием изнурительного труда). Они не были, подобно современным капиталистическим обществам, одержимы проблемой дефицита и опережающего роста потребностей¹¹, которые порождены обществом потребления в куда более поздний исторический период.

Поланьи противопоставляет упомянутому формальному значению экономического другое, *содержательное* значение¹², которое включает как минимум две важнейших дополнительных характеристики:

- нацеленность на обеспечение жизнедеятельности человека;

⁹ Weber M. *Economy and Society*. Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 63. См. также: Вебер М. Социологические категории хозяйствования / Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004 (в печати).

¹⁰ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 18.

¹¹ Вот как пишет об этом Маршалл Салинз, самый известный последователь К. Поланьи: «Охотник... человек неэкономический. По крайней мере, в том, что касается вещей, не первоочередных для выживания, он являет собой полную противоположность типичной карикатуре, увековеченной на первой странице любого издания “Основных принципов экономики”. Потребности его скудны, а средства их достижения (относительно) многочисленны» [Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 2000. С. 29–30].

¹² Русский и немецкий языки позволяют отчасти обойти данную терминологическую трудность, используя два разных термина – «экономический» (более узкий, формальный) и «хозяйственный» (более широкий, субстантивный). В английском языке такой возможности нет, приходится использовать один и тот же термин – «economic».

- институциональное оформление экономического процесса¹³.

Именно признак *обеспечения жизнедеятельности* людей и добавляет субстантивный элемент в определение экономического действия. Он указывает на особый исторический ракурс экономических отношений, которые первоначально оформляли условия выживания человека и человеческих сообществ в их непрестанной борьбе с природой. Такое выживание связано с удовлетворением базисных потребностей человека, но при этом не ограничивается обеспечением минимума материальных средств существования (и тем более не сводится к обеспечению минимума физиологических потребностей). Понятие жизнедеятельности, даже в минимальном объеме, непременно включает социальные элементы¹⁴. По нашему мнению, при определении понятия жизнедеятельности речь должна идти об *элементах, без которых нарушается процесс нормального биологического и социального воспроизводства и возникает угроза самому существованию отдельного человека, группы или сообщества*. В этом смысле уместно известное высказывание К. Маркса о том, что экономика – это «царство необходимости».

Поланьи критикует формальное значение экономического действия за его узость с исторической точки зрения. Но важно обратить внимание на обратную сторону: с логической точки зрения формализация определений в современной экономической теории позволяет сделать понятие экономического чуть ли не безразмерным. В абстрактную схему выбора способов употребления ограниченных средств ради некой фиксированной цели начинает укладываться фактически любое действие – от перевода старушки через улицу до запуска космических кораблей (по крайней мере, всякое действие теперь можно интерпретировать как экономическое). Эта логическая операция и была произведена в рамках неоклассической экономической теории, которая постепенно освободила экономику от неременной связи с удовлетворением насущных потребностей человека и стала связывать экономическое действие, прежде всего, с особыми типами принятия решений (в первую очередь, с устойчивым, или рациональным, выбором) и расчистила путь для так называемого «экономического империализма» – использования формальных экономических моделей для анализа все более расширяющегося круга объектов. И в самом деле, отделить сферу экономики от других, «неэкономических» сфер при таком подходе становится невозможно. И с этой точки зрения вводимый Поланьи признак обеспечения жизнедеятельности людей пытается удержать понятие экономического в относительно более жестких содержательных рамках. С методологических позиций это означает попытку возврата к классической традиции политической экономии XVIII–XIX вв., когда экономика непосредственно увязывалась с производством хронически недостающих материальных благ, т.е. к ее изначальному пониманию.

Для иллюстрации возьмем пример, который был весьма характерен для истории нового российского предпринимательства в 1990-е годы. Типичный предприниматель, бывший инженер, на первом этапе в конце 1980-х годов начинал заниматься каким-то бизнесом, чтобы материально обеспечить себя и свою семью. На втором этапе, когда материальные проблемы семьи были в основном решены, основной заботой становилось выживание и развитие бизнеса, проблема сохранения своей рыночной ниши. Наконец, на третьем этапе,

¹³ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики (см. также: [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73](#)); Полани К. Два значения термина «экономический». О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 505–513.

¹⁴ Конечно, в данном случае мы сталкиваемся с неизбежными условностями, ибо в зависимости от того, что отнести к сфере обеспечения жизнедеятельности, область экономических действий будет расширяться или сужаться.

когда бизнес окончательно укреплялся, предприниматель продолжал успешно зарабатывать деньги, но мотивация вновь изменялась. С одной стороны, бизнес превращался в своего рода увлекательную игру, связанную с профессиональной и личностной самореализацией. С другой стороны, заметно повысилась важность статусных мотивов – размер бизнеса и зарабатываемых денег определял место в деловом мире и признание со стороны сообщества. С каждым очередным шагом в хозяйственных действиях предпринимателя становилось все меньше экономического с субстантивной точки зрения, он все меньше заботился о выживании и постепенно освобождался от давящей экономической необходимости, хотя с позиций формальной экономической теории он продолжал заниматься тем же самым делом – зарабатывать деньги. Следуя терминологии М. Вебера, можно сказать, что действия данного предпринимателя по мере его освобождения от проблем выживания (сначала семьи, потом бизнеса) становились все менее экономически ориентированными¹⁵, оставаясь при этом экономически обусловленными действиями, т.е. ненасильственным использованием ограниченных ресурсов, имеющих различное употребление, для достижения неэкономических целей (ибо деньги как таковые имели для него все меньшее значение)¹⁶.

Таким образом, понятие «экономического» укладывается в более четкие содержательные рамки, которые вряд ли устроят современную экономическую теорию. Какие проблемы помогает решить подобное субстантивистское определение экономического действия, помимо его содержательного ограничения? К ним относится, в том числе, проблема определения домашнего труда.

Проблема домашнего труда

Домашнее хозяйство долгое время находилось на периферии исследований экономистов и социологов. Домашний труд не отделялся от сферы потребления домохозяйства и определялся через его противопоставление рыночному труду, с которым не возникало особых проблем. Под *рыночным трудом* понимается всякая оплачиваемая работа, включая наем (формальный и неформальный), предпринимательскую деятельность и самостоятельную занятость. Известно, что рыночный труд может выполняться и в пределах дома, но его продукт изначально предназначен на продажу и, как правило, принимает денежную форму (или его стоимость возмещается в результате бартерного обмена). В свою очередь, домашний труд представляет собой труд по натуральному самообеспечению в домашнем хозяйстве. Он связан преимущественно с производством услуг и отчасти с изготовлением продуктов питания и вещей в малых масштабах для нужд личного и семейного потребления. Причем продукты и услуги здесь изначально не принимают денежную форму¹⁷.

Со временем возникла потребность отделить время, затраченное на домашний труд, от времени потребления и досуга. И здесь возникает объективная сложность, поскольку в домашнем хозяйстве они тесно переплетены, а часто по виду деятельности просто

¹⁵ Weber M. *Economy and Society*. Vol. I. P. 63–64.

¹⁶ [Радаев В.В. Что такое экономическое действие? // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 18–25.](#)

¹⁷ Часть этих занятий совершается в домашнем пространстве, часть – за его пределами, но для нужд домашнего хозяйства. Особой разновидностью домашнего труда является труд в подсобном хозяйстве, который выполняется вне городского домашнего хозяйства – на даче, садово-огородном участке, более крупных земельных наделах. Здесь к домашнему труду мы также относим «нерыночную» часть деятельности, не связанную с реализацией продукции подсобного хозяйства, а обеспечивающую потребности натурального самообеспечения семьи.

невозможно однозначно отделить труд от того, что трудом не является. Как, например, квалифицировать домашний уход за детьми: это затрата трудовых усилий или досуговое занятие? Производится ли стоимость в этом процессе, и как ее измерить?

Экономисты решили этот вопрос своими средствами. В новой теории потребления для экономистов домашний труд отделяется от потребления, выступая опосредующим звеном между сферой рынка и сферой потребления¹⁸. Более конкретно домашний труд определяется как виды деятельности, которые могут быть замещены рыночной занятостью¹⁹. Иными словами, вы можете воспользоваться платными услугами няни, чтобы она ухаживала за вашим ребенком, или отдать ребенка в платный детский сад. Но никому не придет в голову нанимать человека, чтобы он смотрел за вас телевизор. Следовательно, в первом случае речь идет о домашнем труде, а во втором – о времени потребления и досуга.

Впрочем, всех проблем данный подход не решает. Например, как оценивать поездки на рыбалку или походы за грибами в выходные дни – домашний труд или увлечение, хобби? В принципе можно купить рыбу и грибы в магазине или на рынке. Значит, это труд? Почему тогда многие этого не делают и вместо себя никого не посылают? Выходит, что для них это отдых? Как квалифицировать подобные виды деятельности, если, например, речь идет об обследовании бюджетов времени домохозяйств?

И здесь подход Поланьи помогает нам сформулировать более четкое определение домашнего труда. Если с формальной экономической точки зрения, повторим, домашний труд выступает как нерыночная занятость, которая в принципе может быть замещена рыночной занятостью, то в субстантивном определении с точки зрения обеспечения жизнедеятельности к нему относятся *виды нерыночной занятости, которые вносят вклад в материальное выживание домашнего хозяйства*²⁰. Иными словами, предлагается иной объективный критерий, позволяющий относить или не относить конкретные занятия к «труду» по характеру их связи с нуждами домашнего хозяйства²¹.

Помимо прочего, это означает, что многие домашние занятия (например, та же рыбная ловля или работа в саду) могут рассматриваться и как труд, и как отдых, в зависимости от того, какие *функции* они выполняют в данном домохозяйстве. Если выловленная рыба потребляется, но это не отражается на состоянии дел в домохозяйстве сколь-либо серьезным образом, то следует считать это развлечением. Если же улов оказывается существенной прибавкой к натуральному доходу и важным элементом семейного рациона, то мы склонны квалифицировать подобные занятия как трудовые.

Определение деятельности в качестве домашнего труда, таким образом, не проистекает из его предметной формы. Одна и та же деятельность может выступать как труд, если она вносит принципиальный вклад в выживание домохозяйства и поддержание уровня жизни его членов, а может квалифицироваться как хобби, если этот вклад не существенен, а сама

¹⁸ Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.

¹⁹ Gronau R. Leisure, Home Production and Work – the Theory of the Allocation of Time Revisited // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85. No. 6. P. 1099–1123.

²⁰ «Критерием отнесения деятельности к “труду”, – считает Э. Минджиони, – является внесение вклада в обеспечение материального выживания» [Mingione E. Fragmented Societies: A Sociology of Economic Life. Beyond the Market Paradigm. Oxford: Basil Blackwell, 1991. P. 74].

²¹ Радаев В.В. Экономическая социология. Учебное пособие. М.: ГУ–ВШЭ, 2005 (в печати). Глава 4; Радаев В.В. Домашнее хозяйство и неформальная экономика // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 64–72.

деятельность осуществляется, скорее, по мотивам неутилитарного (в том числе, развлекательного) порядка.

Проблема экономического принуждения

Постановка проблемы жизнеобеспечения и выживания в связи с экономическими отношениями выводит нас на тематику *принуждения*, которое понимается как *безальтернативное подчинение человека внешним по отношению к нему условиям*, т.е. связана с ситуациями отсутствия выбора. К сожалению, эта тематика упорно обходится экономсоциологами. И происходит это, в том числе, со ссылками на М. Вебера, который подчеркнул элемент ненасильственности в экономическом действии и заимствовал у экономистов признак необходимости выбора для такого рода действий.

Между тем многие действия в хозяйственной сфере осуществляются в условиях, когда выбор практически отсутствует. Начнем с того, что действия могут быть вызваны применением насилия и (или) определяться страхом перед насилием, оставаясь при этом, в веберовской терминологии, «экономически ориентированными» действиями (будучи неэкономическими по используемым средствам). Хотя это явление в хозяйственной жизни заслуживает куда большего внимания²², мы в данном случае обратимся к более мягкой форме – *экономическому принуждению*. Оно связано не с прямым насилием, но с необходимостью обеспечения минимума средств существования семей или выживания предприятия в критических хозяйственных ситуациях. Скажем, если семья оказывается под угрозой голода, проблема выбора становится не актуальной и людям приходится соглашаться на первый более или менее приемлемый вариант заработка. Сходные ситуации, когда человек лишается значительной части свободы выбора и руководствуется скорее логикой принуждения²³, могут складываться и на уровне предприятия. Например, когда в результате многократной девальвации рубля цена импортного товара оказывается неприемлемой для покупателей (как это случилось, например, в России в результате кризиса августа 1998 г.), товар отдают за треть цены, замораживают зарплату работникам, закрывают направления деятельности. Назвать это реализацией экономического интереса можно лишь с большой натяжкой. Другой пример: если твою нишу занимает более мощный игрок, с большой вероятностью придется продавать свой бизнес или уходить в другие сегменты рынка, чтобы не потерять все. Конечно, в любой кризисной ситуации сохраняются какие-то альтернативы, но часто это напоминает «выбор» из одного варианта.

Все подобные действия выходят за рамки экономики в ее формальном значении, но остаются в пределах хозяйства, определенного с субстантивных позиций. Так, в домашних хозяйствах складываются особые *стратегии выживания*, которые нацелены на обеспечение минимально необходимой устойчивости в условиях повышенной неопределенности, порождаемой внешней средой. Эти стратегии опираются на принцип действия «безопасность превыше всего» и выражаются в избегании риска и дополнительных издержек сверх определенной нормы, пусть даже ценой снижения средних доходов. Так, они были детально проанализированы на примере крестьянских хозяйств, которыми за столетия была выработана целая система социальных приемов, включающая общинное перераспределение

²² Об этом явлении см., например: Волков В.В. Силовое предпринимательство. СПб.: Европейский университет, Летний сад, 2002 (публикацию книги по главам см.: [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. – 2003. Т. 4. № 3](#)); Радаев В.В. О роли насилия в современных деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 81–100.

²³ Подробнее об этом источнике хозяйственной мотивации см.: Радаев В.В. Экономическая социология. Учебное пособие. Глава 4; Радаев В.В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 183–200.

земли, взаимную помощь, добровольное финансирование общих нужд богатыми хозяевами, чтобы гарантировать каждому «святое право на жизнь», застраховаться от развала хозяйства перед лицом резких колебаний производительности по годам²⁴.

В противовес классическому «экономическому человеку», который чаще всего представляется нам в облике предпринимателя, максимизирующего прибыль, или потребителя, максимизирующего полезность, в домашнем хозяйстве мы сталкиваемся с другой ипостасью хозяйствующего субъекта, не сводимой ни к первому, ни ко второму облику. Это отмечалось, в том числе, российским экономистом А.В. Чаяновым, который неоднократно указывал на то, что, например, представитель крестьянского хозяйства руководствуется преимущественно не стяжательскими мотивами²⁵. В противоположность фермерскому хозяйству, нацеленному на максимизацию прибыли, оно ориентируется на «бытовые формы трудопотребительского баланса», пытаясь уравновесить тяжесть труда и уровень удовлетворения насущных потребностей²⁶.

Добавим: хотя политика выживания была выявлена при исследовании докапиталистических крестьянских хозяйств, это, разумеется, не означает, что она важна не только для них и не имеет значения для современных капиталистических укладов.

Проблема моральной экономики

Стратегии выживания не являются продуктом индивидуальных решений, принимаемых независимыми индивидами, и тем более не сводятся к эгоистическому интересу отдельного человека. Они включают интересы выживания и благосостояния его ближних. И в этом отношении экономическое действие, нацеленное на обеспечение жизнедеятельности человека, неминуемо оказывается *социально укорененным* действием, которое встроено в социальные отношения. Здесь уместно вспомнить о знаменитом тезисе Поланьи об укорененности экономического действия [embeddedness of economic action], который впоследствии столь эффективно продвигается М. Грановеттером в рамках новой экономической социологии в 1980-е годы²⁷. Однако, если Грановеттер трактует ее как структурную укорененность в сетевых связях между хозяйственными агентами, то в первоначальном значении у К. Поланьи речь идет скорее об институциональном оформлении экономических процессов.

Одним из проявлений такого институционального оформления служат моральные нормы, следование которым пронизывает многие хозяйственные действия. Характерным примером вновь является организация домашнего хозяйства, для которого важным элементом хозяйственных процессов становятся межпоколенческие трансферты, когда весомая часть

²⁴ Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 202–210.

²⁵ «Классический homo economicus часто сидит не на месте предпринимателя, а в качестве организатора семейного производства. Поэтому система теоретической экономики, сконструированная исходя из предпринимательской работы homo economicus'a в качестве капиталиста, ясно односторонняя и недостаточна для познания экономической действительности во всей ее реальной сложности» [Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. С. 397].

²⁶ Чаянов А.В. Указ. соч. С. 120–121, 159, 208, 244, 250.

²⁷ Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. См. также: [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.](#)

ресурсов расходуется в форме *односторонней и безвозмездной материальной помощи*, будучи обусловлена существованием нормального демографического жизненного цикла. Конечно, можно представить дело и так: сегодня ты кормишь детей, чтобы завтра они заботились о своих собственных детях, а заодно поддержали в старости и тебя самого. Но сомнительно, чтобы эту помощь можно было свести к чисто экономическому обмену благами. Ибо она обусловлена существованием моральных норм, обеспечивая «право на жизнь» и цементируя порядок, складывающийся внутри семей и родственных кланов.

В еще большей степени социальный характер хозяйственных действий проявляется в отношениях между отдельными домохозяйствами в рамках локальных общностей (например, соседской общины). Требования, касающиеся обеспечения выживания и минимальной стабильности, адресованы тем, кто в трудной ситуации оказывается держателем «избыточных» ресурсов и, следовательно, в состоянии оказать материальную поддержку. Подобная поддержка слабых распространяется отнюдь не только на горизонтальные отношения между своими. Она еще чаще транслируется по вертикали социальных структур и вменяется в обязанность принципалам – обладателям собственности и властных полномочий.

В чем заключаются в данном случае моральные обязательства держателей хозяйственных ресурсов? Речь идет не об абстрактных высших ценностях, предписывающих помогать людям и «возлюбить ближнего своего». Эти достаточно жесткие обязательства не связаны со свободным моральным выбором, а проистекают из фундаментальных требований социума – обеспечить выживание и нормальную жизнедеятельность каждого человека и его семьи. И в тот момент, когда это выживание или нормальная жизнедеятельность отдельного человека, его семьи или какого-то локального сообщества оказывается под угрозой, то к агентам, которые в этот момент обладают относительно избыточными ресурсами (будь то более обеспеченные соседи, владелец феодального поместья или государство), выдвигаются требования о помощи. Хотя с формальной точки зрения такие обязательства могут нигде не прописываться и даже никак не оговариваться, это не мешает в критических ситуациях запрашивать поддержку в весьма настоятельной форме, вплоть до насильственных действий. Они могут оформляться в виде взываний к моральным устоям («помогите несчастным») или напоминаний о реципрокных обязательствах («все эти годы мы платили налоги»). Но это не просто просьбы о пожертвовании или ожидание воздаяния за прошлые труды. Это субстантивные («естественные») требования²⁸. В критической ситуации экономическая (рыночная логика) перестает работать, и пострадавшие мгновенно переключаются на нерыночные способы обоснования – гражданский, домашний и т.п.²⁹

История преподнесла множество примеров того, как люди способны долгое время относительно безропотно сносить разного рода лишения. Но в тот момент, когда они доходят до опасной черты – возникает опасность голода или социальной маргинализации, – они становятся способными на самые радикальные и разрушительные действия. В этом

²⁸ Это объясняет, в том числе, тот распространенный факт, что сбои рынка, обусловленные действием частных предпринимателей, порождают требования к государству, которое с формальной экономической и правовой позиции не имеет к этому прямого отношения. Характерным примером можно считать претензии к государству обманутых вкладчиков финансовых пирамид в середине 1990-х годов [см.: Радаев В.В. Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. XI. № 2. С. 39–70].

²⁹ Тевено Л. Организованная комплексность: нормы координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 19–46.

отношении субстантивная экономика предстает как *моральная экономика*³⁰, где хозяйственные расчеты подкрепляются нормативными ожиданиями и неформализованными представлениями о социальной ответственности. И нарушение этих устойчивых ожиданий способно порождать острые социальные конфликты.

Проблема реципрокности

Помимо моральных норм институциональное оформление экономических процессов в концепции Поланьи раскрывается посредством введения трех форм интеграции хозяйства: обмена [exchange], перераспределения [redistribution] и реципрокности [reciprocity]. За каждой из них стоят поддерживающие институты, а именно: рынок, централизованное хозяйство и симметрично организованные группы [symmetrically arranged groupings]. Таким образом, хозяйственные отношения не сводятся к обмену, а рынок рассматривается как одна из институциональных форм, существующая наряду с другими формами³¹.

Пожалуй, наиболее интересной формой в данном случае является реципрокность. Поэтому мы оставим в стороне перераспределение (редистрибуцию), чтобы сравнить характеристики рыночного и реципрокного обмена. Начнем с того, что *рыночный обмен* осуществляется на началах возмездности и эквивалентности в целях максимизации полезности его непосредственных участников. Рыночный обмен предполагает также взаимную калькуляцию хозяйственными агентами его сравнительных выгод и издержек, а также постоянный контроль за соблюдением условий обмена, который чаще всего сводится к разовому акту их взаимовыгодного взаимодействия.

Поланьи убедительно показывает, что рыночный обмен – это не универсальная, а особая форма обмена. Она предполагает непрерывное существование ценообразующих рынков [price-making markets], где цены устанавливаются в процессе торга. В действительности такой торг происходит далеко не всегда. В истории существует масса способов обмена (в том числе денежного), осуществляемых при отсутствии ценообразующих рынков. Обмен в этих случаях производится по политическому договору и фиксированным ставкам, и свобода в установлении цен серьезным образом ограничена. Кроме того, часто обмен вообще совершается с целями неутилитарного характера. Так, по свидетельствам антропологов, обмен в примитивных обществах возник как взаимное приношение даров и взаимное угощение, которые являются не экономическими, а преимущественно социальными актами³². Их цель – не достижение экономической выгоды, которая иногда полностью отсутствует, а утверждение соседских и дружеских связей, совершение религиозных ритуалов. Взаимный обмен может совершаться также не в целях удовлетворения материальных потребностей, а для поддержания социальных структур, символизации сотрудничества, предотвращения конфликтов. Оказание помощи может рассматриваться как способ самоутверждения и поддержания статуса, а также как способ подчинения,

³⁰ Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина. М.: Прогресс, 1992. С. 202–210; Thompson E.P. The Making of the English Working Class. Harmondsworth: Penguin, 1968.

³¹ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. См. также: [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.](#)

³² Malinowski B. The Principle of Give and Take // Coser L., Rosenberg B. (eds.). Sociological Theory: A Book of Readings. N.Y.: Macmillan, 1966. P. 71–74; Levi-Strauss C. The Principle of Reciprocity // Coser L., Rosenberg B. (eds.). Op. cit. P. 74–84.

установления ресурсной зависимости. С чисто экономических позиций такого рода акты часто не только не приносят выигрыша, но, напротив, означают растрату изрядной части общего богатства (то же, к слову, относится к сохранившейся поныне традиции обмена подарками на Рождество и прочие праздники). Конечно, взаимный обмен выполняет и экономические функции – взаимного хозяйственного страхования и поддержки, быстрой мобилизации ресурсов в экстремальных ситуациях. Но движущая сила такого обмена выходит далеко за пределы корыстного интереса³³.

Подобные виды обмена и характеризуются понятием *реципрокности* (взаимности). Обмен дарами обходится без торга, без выяснения полезности дара для его получателя, без гарантий эквивалентного возмещения затрат в будущем. В принципе предполагается, что сегодняшний получатель когда-то должен ответить тем же, но ожидание ответного дара не артикулируется открыто, ответный дар только предполагается. Но зачастую нет даже и такого предположения. Если получатель дара не сможет «отдариться» в будущем, то инициатор дарения укрепляет свое социальное положение в сообществе. В данной ситуации не накопление имущества, а его публичная раздача в большей степени повышает авторитет дарителя³⁴, при этом реципрокность по сути превращается в перераспределение накопленного богатства.

Здесь хозяйственные агенты оказывают помощь другим агентам, включенным в сети их социальных связей. При этом они не получают ничего взамен, кроме ожиданий, что когда они обратятся к кому-то из участников сети, то по отношению к ним поступят примерно так же, как они поступают сейчас. Таким образом, несмотря на видимость безвозмездности помощи, эти отношения имеют возмездный характер, однако это не приближает их к рыночному обмену³⁵.

Для реципрокных отношений характерны следующие особенности.

1. Реципрокность предполагает возмездность, но не подразумевает эквивалентности. Соблюдается принцип адекватности ответного дара, а не строгой калькуляции взаимных выгод³⁶.
2. Ответный дар, несомненно, предполагается, но сроки возврата «долга» и форма ответного дара четко не зафиксированы, а часто даже и не оговорены. Текущий контроль за соблюдением обязательств отсутствует, открыто напоминать о них не принято.
3. Проявляется терпимость к материальному дисбалансу, который компенсируется через повышение авторитета дарителя. Неспособность «отдариться» ведет к подчинению дарителю.

³³ «Экономический обмен укореняется в многогранных отношениях, складывающихся из экономических вложений, дружеских связей и альтруистических привязанностей» [Uzzi B. The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect // American Sociological Review. 1996. Vol. 61 (August). P. 681].

³⁴ Интересно, что характер обмена может различаться в зависимости от контрагентов. Обмен со «своими и с «чужаками» происходит по-разному [Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 224–225].

³⁵ Радаев В.В. Экономическая социология. Учебное пособие. Глава 5.

³⁶ «Взаимность требует адекватности откликов, а не математического равенства. Соответственно транзакции и решения не могут быть сгруппированы сколько-нибудь экономически точно, т.е. в соответствии с тем, как они влияют на удовлетворение материальных потребностей» [Поланья К. Аристотель открывает экономику // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ–ВШЭ, 2004. С. 22].

4. Возмещение может быть произведено совсем другим хозяйственным агентом, а не тем, которому была оказана первоначальная помощь.

Последний пункт и вовсе выглядит странным с точки зрения рыночного обмена. Дело в том, что вместо двойственных отношений обменный импульс здесь передается по контуру социальных связей. Предполагается существование относительно замкнутого локального сообщества, в котором складываются отношения доверия. Реципрокность, таким образом, обеспечивается ресурсами не столько экономического, сколько *социального капитала* – непогашенных взаимных обязательств³⁷.

По мнению М. Салинза, реципрокность может быть представлена в виде континуума обменных процедур – от *генерализованной реципрокности*, связанной с альтруистическим «чистым даром», к *сбалансированной реципрокности*, предполагающей воздаяние в относительно близкой перспективе, и, наконец, негативной реципрокности, где участник обмена заботится только о собственном интересе и пытается «сорвать куш»³⁸.

Анализ реципрокных отношений демонстрирует также и то, что одна и та же с формальной точки зрения транзакция может выполнять самые разные социально-экономические функции и предполагает разные социальные отношения. Так, перед нами может оказаться:

- нерыночная форма торговли, осуществляемая в виде взаимного обмена дарами;
- форма взаимного кредитования под единовременные нужды (открытие собственного бизнеса, празднование особых событий, похороны);
- способ осуществления межпоколенческих трансфертов;
- форма обеспечения выживания локального сообщества в экстремальных ситуациях (неформальное страхование от несчастных случаев, неурожая и т.п.);
- форма накопления социального капитала в виде расширения связей и непогашенных взаимных обязательств;
- символическое обозначение дружбы или сотрудничества;
- способ поддержания и повышения авторитета (раздача части имущества в виде дара, когда невозможность «отдариться» повышает авторитет дарящего).

Таким образом, один и тот же с формальной точки зрения обмен благами может иметь совершенно различное экономическое и социальное содержание.

Проблема экспансии рынка

Предложенные Поланьи формы интеграции хозяйства помогают нам перейти с микроуровня анализа экономических действий на макроуровень – к проблемам хозяйственного развития. Вставая на историческую точку зрения, Поланьи показывает ограниченность системы саморегулирующихся рынков, утверждая, что такие рынки в большинстве примитивных и средневековых обществ играют вспомогательную роль и сосуществуют с более распространенными нерыночными укладами.

³⁷ О социальном капитале см., например: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139 [<http://ecsocman.edu.ru/ons>]; Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–17. См. также: [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4.](#)

³⁸ Салинз М. Экономика каменного века. С. 174–178.

При недостатке или неэффективности ограничительных мер развитие рыночных отношений способно порождать негативные побочные эффекты (экстерналии), несущие в себе опасные элементы саморазрушения, в том числе и для самого рынка. Поэтому рынок в частности и хозяйство в целом изначально предполагают наличие механизмов регулирования. Причем речь идет не только о предупреждении или лечении негативных последствий, порождаемых неизбежными рыночными сбоями. На всем протяжении человеческой истории само развитие рынков происходило не вследствие отказа от регулирования, но, напротив, во многом порождалось этим регулированием, которое производилось, в том числе, и по логике, весьма отличной от рыночной.

Наряду с социальным регулированием, осуществляемым силой традиций, социальных норм, стихийными и организованными действиями хозяйственных агентов³⁹, важнейшую роль в этом процессе играет регулирование со стороны государства. Историкам и антропологам хорошо известно, что большинство рынков складывалось не помимо и вопреки, а при его прямой поддержке. Причем это относится отнюдь не только к примитивным, но и к современным хозяйствам. Современный рынок столь же не автономен от действий государства⁴⁰. И потому для экономической социологии проблема развития рынков неотделима от проблемы государственного регулирования хозяйства⁴¹.

С этой точки зрения Поланьи обращает внимание на то, что в начале XIX столетия произошла «великая трансформация» – фундаментальные изменения, приведшие к усилению автономности экономических отношений. Роль рыночной формы хозяйства заметно возросла. Произошло объединение ранее изолированных рынков в мировую (глобальную) систему «саморегулирующихся рынков». Эти изменения, подхваченные и усиленные либеральной политической экономией, произвели отрыв экономического от социального, их своеобразное разукоренение [disembeddedness] и, более того, породили претензии со стороны экономических отношений на безусловное первенство. Общество начало представляться как нечто производное от экономики.

Основным элементом подобного превращения, по мнению Поланьи, стала так называемая коммодификация (превращение в товар) все новых и новых объектов, которые ранее товарами не являлись, а теперь получают свою цену, начинают все более свободно продаваться и покупаться. В результате такой экспансии развитие рыночной экономики обретает тенденцию к перерастанию в рыночное общество. В нем логика рынка распространяется на области, которые изначально к экономике непосредственного отношения не имели.

Но здесь развитие рыночной экономики, по мнению Поланьи, наталкивается на серьезные ограничения и попадает в своего рода замкнутый круг. Оказывается, что рыночное общество,

³⁹ Weber M. *Economy and Society*. Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 82–83. См. также: Вебер М. Социологические категории хозяйствования // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*.

⁴⁰ «Автономный рынок не “возникает”; он конструируется в процессе утверждения политической и государственной власти... Исторически мы не сможем понять функционирования и развития рынков без признания того, в какой степени они были сформированы фискальными интересами государства и формами легитимации государственной власти, которые в свою очередь находились под воздействием международной гонки вооружений» [Friedland R., Robertson A.F. *Beyond the Marketplace* // Friedland R. Robertson A.F. (eds.). *Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1990. P. 7, 11].

⁴¹ Радаев В.В. *Экономическая социология. Учебное пособие*. Глава 7; Радаев В.В. *Социология рынков: к формированию нового направления*. М.: ГУ–ВШЭ, 2003. Глава 1.

к которому объективно подталкивает экспансия саморегулирующихся рынков, по природе своей невозможно. И в первую очередь потому, что ключевые хозяйственные ресурсы – земля, труд и деньги – не могут превратиться в товар в полном смысле слова, поскольку являются частью «органической структуры общества». И общество противится их превращению в товар, даже если они и вовлекаются в рыночный оборот, становясь объектами купли-продажи. Во-первых, возникают ограничения морального толка. Людям кажется, что превращение в товар этих объектов противоречит некоему «естественному» порядку: ведь земля связана с природными основаниями жизни человека, а труд есть прямое продолжение и реализация его способностей⁴². Что же касается денег, то они выступают простым посредником, средством обмена и не имеют собственной стоимости. Во-вторых, указанные объекты не могут свободно обращаться на рынках без серьезного регулирующего вмешательства государства, без поддержки которого невозможно существование ни денежных, ни земельных, ни трудовых отношений⁴³. И государство постоянно возвращается в эти области, изымая их из сферы рыночного регулирования. В результате основные хозяйственные ресурсы выступают в качестве так называемых фиктивных товаров⁴⁴.

Что же происходит при активном «продавливании» рыночных отношений? Нарастающие попытки превратить указанные товарные фикции в реальность порождают сопротивление не только в умах интеллектуалов, но и в ткани всего общества. Причем речь идет не о каких-то узких экстремистских группах, но о достаточно широких противоборствующих общественных движениях – организованных и неорганизованных. Общество вырабатывает своего рода защитный панцирь из культурных институтов, который предохраняет не только против провалов саморегулирующегося рынка, но и против чрезмерной «маркетизации».

Именно этим сопротивлением Поланьи объясняет появление и приход к власти фашизма в Германии в 1930-х годах⁴⁵. Фашизм выступает как реакция на неудачи и перекося в формировании саморегулирующейся рыночной экономики, приведшие к обратному результату – серьезному ограничению рыночных свобод наряду с урезанием либеральных и демократических свобод.

К. Поланьи помогает нам спустя много лет после опубликования его трудов разобраться и в некоторых важных сегодняшних процессах. Еще Дж. Стиглиц обратил внимание на то, что Поланьи удалось в какой-то степени предсказать и содержательно объяснить возникновение антиглобалистского движения, которое началось с массовых выступлений в Сиэтле в 1999 г. и в Праге в 2000 г. С внешней точки зрения здесь многое выглядит по меньшей мере странным. Люди выходят на улицы, бьют стекла и протестуют против... деятельности Международного валютного фонда. И на первый взгляд, данный протест против глобализации смотрится как театр абсурда.

⁴² «Труд – лишь иное обозначение самого человека, а земля – обозначение природы» [Polanyi K. Our Obsolete Market Mentality // Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies. P. 62].

⁴³ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Глава 6; Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд земля и деньги // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 10–17 [<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/90677>].

⁴⁴ [Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги. С. 14–15.](#)

⁴⁵ «Чтобы понять германский фашизм, мы должны вернуться в рикардианскую Англию» [Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. С. 42].

Однако подход Полянши многое расставляет на свои места. Речь идет не просто о неменяемых маргиналах (хотя без них в таком деле, разумеется, не обходится), но о стихийном противодействии основных групп общества наступлению парадигмы саморегулирующегося рынка. Антиглобалисты выступают не против глобальных коммуникаций и всеобщей взаимозависимости. Их действия направлены против международных финансовых институтов, которые являются проводниками либеральной рыночной политики. Не случайно и «глобальные террористы» 11 сентября 2001 г. избрали в качестве основной мишени башни Всемирного Торгового центра – символ глобализующегося рынка. И в данном случае бессмысленно искать «источник мирового зла», как это делают многие политики, в какой-то конкретной террористической организации или персоне вроде Бен-Ладена. Это явление в сильной степени дисперсно и при определенных культурных условиях начинает произрастать из самой социальной почвы.

Заключение

Сегодня предложенная К. Полянши логика исторических и антропологических доказательств может разделяться не всеми, язык не всегда понятен, а его антирыночная критика может показаться чересчур категоричной. Не все предсказания Полянши сбылись. Так, ожидаемого краха экономического либерализма не произошло, и отмена золотовалютного стандарта не привела к погребению идеи саморегулирующихся рынков. Развитие оказалось более сложным, волнообразным, а либерализм (включая его экономические версии) проявил завидную стойкость и оказался весьма устойчивой идеологией. Интегрировав в себя многие консервативные и демократические элементы, он породил весьма жизнеспособные идеологические гибриды. И, тем не менее, труды Полянши, представившего свой оригинальный и целостный взгляд на развитие хозяйства, заслуживают нашего особого внимания.